

Мелик-Пашаев Александр Александрович
Aleksandr Melikov-Pashaev

доктор психологических наук, главный научный сотрудник Федерального государственного
научного учреждения «Психологический институт Российской академии образования»
гл. ред. журнала «Искусство в школе»

Doctor of Psychology, Chief Researcher of the Federal State Scientific
Institution "Psychological Institute of the Russian Academy of Education"
Chief –editor of the magazine "Art at School"

ТВОРЧЕСТВО: РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ ИЛИ «ВСТРЕЧА С СОБОЙ»? Creativity: solving the tasks or "meeting with yourself"?

Ключевые слова: творчество, инсайт, значимое переживание, ключевое переживание, призвание.

Keywords: creativity, insight, meaningful experience, key experience, vocation.

Аннотация. Автор на феноменологическом материале рассматривает психологическое содержание ранних переживаний, определивших будущий творческий путь людей, одаренных в разных областях деятельности. Содержание этих «ключевых» переживаний, в отличие от инсайтного решения задачи, описывается как особого рода встреча со своим «будущим Я», степень осознанности которой зависит от возраста человека.

Abstract. The author on the phenomenological material examines the psychological content of the early experiences that determined the future creative path of people gifted in various fields of activity. The content of these “key” experiences, as opposed to the insightful solution of the problem, is described as a special kind of meeting with the “future Self”, the degree of its awareness depends on the person age.

Термин «инсайт» прочно укоренился в психологии творчества после того, как Г.Уоллес ярко и обобщенно описал четыре последовательные стадии творческого процесса. Это, прежде всего, всестороннее *исследование проблемы*; затем так называемая *инкубация* — внутренняя работа на сверхсознательном и сверхпроизвольном уровне; за этим следует *инсайт* — *озарение*, внезапно приходящее решение проблемы в ситуации, казалось бы, не имеющей к ней отношения, и, наконец, *проверка* результата [14].

Как почти вся психология творчества и одаренности, схема Уоллеса по умолчанию отождествляет творчество в интеллектуальной сфере и творчество как таковое: исследование проблемы, ее решение, проверка его правильности — все эти термины и понятия, будучи приложены, например, к области художественного творчества, требуют если не замены, то существенного переосмысления.

Что же касается сверхсознательной, или даже бессознательной «инкубации» и инсайта — то рационально мыслящие ученые, не отрицая существования этих явлений, упорно стремятся их «демистифицировать», выявив скрытую, но объективно существующую детерминацию. Не буду судить, насколько удачны эти

попытки; замечу только, что, обнаружить объективные детерминанты творческого озарения, значит стать способным его вызывать и «ставить на поток».

Сосредоточимся на другом аспекте темы. Инсайт в общепринятом смысле означает внезапное решение конкретной задачи, которую человек поставил, обдумал, не достиг решения прямолинейным путем, «отпустил» в область не осознаваемых поисков — и, в награду за труды, получил, как озарение, неожиданное решение. (Этот «дух захватывающий» психологический эффект переживался едва ли не каждым из нас при отгадывании загадок). С таким пониманием творчества в психологии связан интерес к так называемому дивергентному мышлению, трудно реализуемый совет «думать около», а не «напрямую» и т.п.

Но начинается ли творчество человека с постановки и решения конкретных задач в конкретной области культуры? В подобных случаях речь идет о талантливых взрослых людях, сознательно выбравших для себя определенную область творчества. Но каков первоисток этого счастливого выбора пути? Не связан ли он с «озарением» иного рода, которое ставит перед рациональной наукой вызовы более серьезные, чем инсайтное решение конкретных проблем? И не направляет ли наше внимание на то, что совершается в более раннем возрасте, когда человек еще, может быть, не соприкасается с деятельностью, в которой в будущем проявится его талант, но соприкасается с самой жизнью, которая, по слову М.М.Бахтина, синкретически таит в себе зародыш будущего творчества?

В статье «Биографические факторы развития художественной одаренности» (<http://www.art-education.ru/electronic-journal/biograficheskie-factory-razvitiya-hudozhestvennoy-odarennosti>) я говорил о роли «значимых переживаний» (Г.О.Винокур), которые требуют от человека творческого отклика того или иного типа, например — в форме художественного произведения. Но существует обширная феноменология переживаний иного рода, которые можно назвать «сверхзначимыми» или «ключевыми»; которые не вызывают к жизни конкретные произведения, а, приходя как бы из будущего, предопределяют всю перспективу жизненного и творческого пути человека.

Главными источниками данных об этих переживаниях служат автобиографические свидетельства, зачастую непреднамеренные, разбросанные по письмам, мелькающие во фрагментах бытовых воспоминаний или интервью, включенные в рассуждения по различным поводам и т.д. Иногда подобную роль могут играть воспоминания свидетелей повседневной жизни человека, чаще всего не связанные с намерением охарактеризовать его личность и творчество в целом; иногда даже дающие поучительные примеры непонимания сути того, что он переживает.

Переживания, наиболее значимые по своим последствиям, часто относятся к детству, и поэтому, как уже было сказано, могут и не иметь очевидной связи с конкретной областью деятельности, в которой впоследствии проявится одаренность человека. Это обстоятельство чрезвычайно важно: творческое самоощущение человека пробуждается в соприкосновении с жизнью как целым, несущим в себе, в нерасчлененном виде, возможности любых видов творческой

самореализации. А «внутренняя энергия души» человека [5] избирает приоритетный для нее аспект преобразований этой всеодействующей действительности.

Я учитываю, что «ретро-интроспекции» человека, его свидетельства о самом себе в прошлом, не защищены от определенных деформаций и произвольного «редактирования» с позиций более позднего опыта. Но в пользу достоверности этих описаний говорит существенное сходство, а в чем-то и полное совпадение их психологического содержания у многих людей, чья творческая одаренность проявилась в дальнейшем в разных областях.

Понятно, что ценностно-смысловая оценка и осознание определяющей *биографической* роли переживания, которое, нарушая хронологию жизни, приходит к человеку как бы из будущего — все это не происходит в самый момент переживания, тем более испытанного в раннем возрасте. Осознание приходит позже, в контексте дальнейшей жизни, которая, как понимает сам человек, как бы вырастает из корня того «ключевого» переживания и подтверждает его личностную значимость.

Многие психологи (Н.И. Чуприкова, Е.И. Горбачева, М.А. Холодная и др.) сталкивались с данным явлением при изучении тех или иных, граничащих с ним проблем, но целенаправленное исследование и освоение этой неразведанной области еще впереди. Свои работы я тоже оцениваю лишь как первые подступы к ней. Предваряя попытки дать обобщенную характеристику ключевого переживания, познакомлю читателя с частью «сырого» материала, воспоминаний и самоотчетов выдающихся людей, обращая особое внимание на выделенные курсивом слова.

Отто Бадер в глубокой старости отвечает на вопрос, какое из своих выдающихся открытий в области палеоархеологии он считает главным. «Мы с товарищем возвращались из школы на пасхальные каникулы, шли незнакомой для меня дорогой через лес. Лес вдруг расступился, и... вы знаете, я ведь лесной житель, все детство прожил в лесу ... так что удивить меня каким-то особенным видом трудно. И все-таки эта картина *до сих пор стоит у меня перед глазами. Я мог бы и сейчас ее нарисовать*: поляна, глухое лесное озеро, освещенное солнцем, деревянная церквушка за ним, а рядом — большой курган с уродливой сосной на вершине. Все вокруг было таким ясным и полным жизни, а курган был таким скрытым, *явно затаившим* какую-то чужую, неведомую жизнь, что мне *вдруг нестерпимо захотелось* узнать про эту жизнь всё, сделать ее такой же ясной и близкой, как это озеро, эта церквушка, *как мы сами...* Я был просто *потрясен* увиденным. Это, я думаю, и было мое самое важное открытие: *прошлое, оказывается, реально*, оно здесь, где-то рядом с нами» [7, 8].

Владимир Солоухин вспоминал, как еще дошкольником, играя с ровесниками на деревенской улице, забежал в избу попить воды и вдруг, в раме окна, увидел свою привычную улицу в лучах заката как необъяснимую ценность, которая вот-вот исчезнет. Я понял, - сказал писатель, что я *должен с этим что-то сделать*. Маленький житель нищей предвоенной деревни не знал, конечно, *что и как* надо

«с этим» сделать, и, тем не менее, как ему запомнилось, он сочинил-таки тогда что-то вроде своего первого рассказа.

По свидетельству друзей семьи **Левитана**, будущий великий пейзажист, которому было тогда 8 - 9 лет, удивлял взрослых тем, что часами вглядывался в виды за окном. На вопрос о причине такого времяпрепровождения он отвечал: *увидите, что я с этим сделаю!* При этом изобразительной деятельностью как таковой он тогда мало интересовался.

Аналогичное переживание выражено в стихотворении **Тимура Кибирова**.

«...На пустыре, спускавшемся к реке,
Я встретил солнце. Точно посередине
Пролета мостового, над рекой
Зажглось, и пролилось, и – Боже мой!-
пурпурные вершины предо мной
воздвиглись! И младенческая грудь
таким восторгом и такой тоской
стеснилась! *И какой-то долгий путь
открылся, звал, и плыло над рекой,
в реке дробилось, и какой-нибудь
искал я выход, что-то надо было
поделать с этим!* И пока светило
огромное всходило, затопив,
расплавив мост над речкой, я старался
*впервые в жизни уловить мотив,
еще без слов, еще невинный, клялся
я так и жить, вот так, не осквернив
ни капельки из этого...*»

Еще несколько свидетельств знаменитых представителей разных видов искусства. **Ф.И. Шаляпин** рассказывает:

«И вот я на галерке театра. Я с изумлением смотрел в огромный колодезь, окруженный по стенам полукруглыми местами, на темное дно его, уставленное рядами стульев, среди которых растекались люди. Горел газ, и запах его остался для меня на всю жизнь приятнейшим запахом. ... Вдруг занавес дрогнул, поднялся, и я сразу обомлел, очарованный. Предо мною ожила какая-то смутно знакомая мне сказка. . . . Я до глубины души был потрясен зрелищем, и, не мигая, ни о чем не думая, смотрел на эти чудеса ... Я ...стоял очарованный сном наяву, которого я никогда не видел, но всегда ждал его, жду и по сей день.» [12, 58-59].

Федерико Феллини: «Когда мне было семь лет, родители впервые повели меня в цирк. Меня потрясли клоуны. ... У меня было странное чувство, что меня здесь ждали. В ту ночь и во многие последующие на протяжении ряда лет мне снился цирк. В этих снах мне казалось, что я нашел свой дом.Тогда я еще не знал, что вся моя жизнь пройдет в цирке – киноцирке».

«Много лет спустя, глядя на то место у фонтана, где стоял клоун, я прочувствовал ауру этого символа всей моей жизни – *ведь он был словно вестник из будущего*» [10, 15-16].

Виолончелист **Пабло Казальс**, вспоминает, как впервые попал на «настоящий» концерт. «Увидев ... виолончель – а я до сих пор не видел ни одной – *я не мог оторвать от нее глаз*. В первую же минуту, как послышались ее звуки, я был совершенно *потрясен*. *Мне стало нечем дышать*. Было в ее звучании что-то такое нежное, такое прекрасное и *человеческое...* Никогда я еще не слышал такой красоты. *Словно свет вошел в меня*. Когда сыграли первую вещь, я сказал отцу: ... Вот на чем я хочу играть» [8, 32-34].

Из воспоминаний дирижера **Бруно Вальтера**. «Хорошо помню, как еще в детские годы, делая успехи в игре на фортепиано, я все яснее познавал *собственную душу, свое «я»*. С упоением музицируя, *себя* чувствовал все более напористым, *себя* слышал все отчетливее... Радость от того, что я собственными руками и сердцем *освобождаю от оков* силу звуков, делала меня счастливым» [4, 12].

Теперь – несколько фрагментов воспоминаний творцов в разных областях науки.

Альберт Эйнштейн рассказывает: «Чудо ... я испытал ребенком четырех или пяти лет, когда мой отец показал мне компас». (Поведение стрелки, которая двигалась без прикосновения, было необъяснимо — А.М.) «Я помню еще и сейчас – или мне кажется, что помню, - что этот случай произвел на меня глубокое и длительное впечатление. *За вещами должно быть что-то еще, глубоко скрытое*» [1, 71].

Софья Ковалевская часами простаивала перед стенами детской комнаты, которые в ходе ремонта обклеили вместо обоев листами литографированных лекций по математике. Внешний вид формул, таинственный порядок их следования производили на нее глубокое впечатление. Позже, к изумлению учителя, она так усваивала математические понятия, «точно наперед их знала» [4, 29-30].

Б.В. Раушенбах на девятом десятке жизни вспоминал: «О том, что я, когда вырасту, буду работать в авиации, я знал лет с восьми». Приятель показал ему фотоснимок кораблей, сделанный с самолета. «Меня это так поразило, — говорит Раушенбах, что зацепилось на всю жизнь, — только летать, только летать! Единственное, что я все-таки сообразил, что просто летать неинтересно, а интересно строить самолеты. ... Это первая любовь, самая горячая и вечная» [9, 290].

«Уже одно прикосновение к телескопу, — вспоминал о детстве **А.Л.Чижевский** — вызывало во мне странно-напряженное чувство, похожее на то, когда человек ждет свершения чего-то *загадочного, непонятного, великого*. Но при взгляде в окуляр я почти всегда испытывал и испытываю *головокружение и ту спазму дыхания*, о которой говорят «дух захватывает»...» [11, 17].

Карл Юнг в глубокой старости вспоминает, что случилось с ним, когда он, раскрыв учебник, прочитал, что психиатрия – это наука о личности. «Мое сердце неожиданно резко забилося. *Возбуждение было необычайным*, потому что мне стало ясно, *как при вспышке просветления*, что единственно возможной целью для меня может быть психиатрия» [13, 33].

Историк и методолог науки **Р. Коллингвуд**, будучи подростком, из любопытства открыл книгу по этике. «Я ощутил, — вспоминает он, что содержание книги, *хотя я не в силах был понять его*, стало каким-то странным образом моим собственным делом, делом, касающимся меня лично или, скорее, *делом моего будущего Я*» [4, 57].

И, наконец, свидетельство служителя церкви. Протоиерей **Александр Борисов** пишет в книге с характерным названием «Начало пути христианина»:

«Для меня было обращением, когда я однажды летним вечером почувствовал, что за всей прекрасной картиной захода солнца есть что-то другое, есть невидимый мир, есть невидимый Бог, который создал прекрасный и замечательный мир, окружающий нас. Я как бы сердцем почувствовал, что он не может создаться сам собой. Это ... была такая *встреча, которая изменила жизнь*» [2, 139].

Обратим внимание на существенные общие черты этих столь мозаичных по первому впечатлению высказываний.

«Ключевое» переживание приходит неожиданно, «вдруг», подобно озарению и захватывает человека целиком, на соматическом, эмоциональном, интеллектуальном и “смысло-жизненном” уровнях. Люди говорят о *потрясении*, необычайном *возбуждении*, *перехвате дыхания*, *головокружении*, о *нестерпимом желании*, неуправляемых телесных реакциях и т.д. Великий гитарист **Андрес Сеговия** в младенческом возрасте впервые услышав аккорды гитары за окном, просто потерял сознание – однако не забыл о пережитом. Оно полностью сохраняется в эмоциональной памяти на всю, часто очень долгую жизнь.

Далее. Ключевое переживание – это соприкосновение с тайной, которая приоткрывается за тем или иным явлением жизни, это некая «очевидность невидимого» рядом с тобой. Таковы слова О. Бадера о кургане, «*явно затаившем*» тайну древней жизни. Такова несомненность невидимого Бога за видимым миром – у о. Александра, таково угадывание «чего-то» действительного, скрытого за видимыми вещами в детском опыте А. Эйнштейна, и т.д.

Другая важнейшая сторона открытий такого рода: они носят характер *призвания*. Ребенок (подросток, юноша) узнаёт свой путь, свое направление реализации внутренней энергии души. Он чувствует *долженствование что-то сделать* в ответ на полученное откровение или – в случаях более осознанного переживания – *посвятить жизнь* раскрытию мелькнувшей перед ним тайны. Он чувствует, а затем – осознает и формулирует в словах, что ему приоткрылся именно *его* путь, что он «нашел свой дом», что он, оказывается. об этом именно мечтал, этого ждал, и «его здесь ждали». И в то же время эту встречу он воспринимает как «*весть из будущего*», даже как «*дело его будущего Я*» (Коллингвуд). Высвобождая скрытые в нотной записи звуки, мальчик все более отчетливо чувствует *самого себя* и т.д.

Во всем этом сказывается вневременная природа человека, о которой убедительно говорили русские философы, в частности – Н.О. Лосский. Актуализируя во времени возможности своего вневременного Я, человек реализует свою творческую одаренность.

Предварительно можно наметить не только общие, но и некоторые типологически различные черты ключевого переживания. Например, будущий художник чувствует себя призванным выявить открывшуюся ему *ценность* явлений жизни; для будущего ученого-исследователя главное – выявить нечто *незнакомое в самой реальности*, те или иные факты и закономерности объективного мира.

Это различие хорошо иллюстрируют свидетельства И. Левитана и В. Солоухина – с одной стороны, О. Бадера и других ученых – с другой. По-видимому, в религиозном опыте, представленном словами о. Александра Борисова, присутствуют в равной мере оба эти аспекта.

Оставаясь в пределах области искусства, можно обратить внимание на некоторые особенности начала пути будущих исполнителей. Опыт А. Сеговии, П. Казальса. Бр. Вальтера, Ф. Шаляпина других больших артистов, позволяет предположить, что их ключевые переживания более непосредственно связаны с конкретной областью будущей деятельности. Впрочем, это пока только догадки, правильность или ошибочность которых можно установить, лишь многократно расширив материал исследования.

Резюмируя, вернемся к сопоставлению двух типов «озарения» - инсайта в привычном понимании, и «ключевого переживания». Второе, в отличие от инсайта, не является ни решением конкретной проблемы, ни результатом ее обдумывания и не дает результата, который подлежал бы проверке. Оно как бы вспышкой озаряет самосознание человека, приоткрывает ему образ и сам факт существования его «будущего Я», а также направление его жизненного и творческого пути. Что касается степени осознанности этого опыта в самый момент переживания, то она во многом зависит от возраста человека.

В заключение – несколько соображений, имеющих отношение к педагогической практике. Путь будущего творчества человека определяется при встрече «внутренней энергии души» с родственным ей аспектом действительности. Но эту встречу (как, кстати говоря, и феномен инсайта) ни предсказать, ни смоделировать, ни вызвать невозможно. Кто мог бы предвидеть, что юный Шарль Кастере, увидев пещеру, почувствует «зов бездны», будет слышать его всю жизнь и станет крупнейшим спелеологом? Или – какими обоями надо оклеить стену, чтобы маленькая Софья Ковалевская обратилась к математике? Для кого «вестью из будущего» станет сверкание красок на чьей-то случайно увиденной палитре, или аккорд гитары под окном?

Тем не менее, педагог может целенаправленно влиять на пробуждение индивидуальной одаренности учеников. Во-первых, следует учесть возможности духовно-практической работы, направленной на актуализацию опыта, психологически близкого «ключевым переживаниям», который описан в статье Т. Буюкас [3].

Во-вторых (и это главное), возможно создание таких условий – такой атмосферы занятий, таких заданий – которые, не «программируя» встреч ребенка с «будущим Я», благоприятствуют им, повышают их вероятность. Успешный опыт такого рода связан, например, с развивающим обучением литературе [6], когда уже

в 1—2 классах *все* дети получают опыт создания отвечающих возрасту полноценных литературно-художественных текстов, а некоторые в дальнейшем посвящают себя литературному или иному художественному творчеству.

Несомненно, и другие предметы можно преподавать так, чтобы перед детьми открывалась дверь в их возможное творческое будущее – а внутренняя активность души каждого подскажет путь его творческой самореализации.

Исходя из всего сказанного, можно предположить, какими свойствами должно обладать такое образование. Прежде всего, оно не должно преподносить ребенку лишь отчужденно-объективный материал: погружаясь в какую-либо область знания, он должен узнавать что-то и *о себе самом*. И главным в творчески ориентированном образовании – как это ни парадоксально – должно стать не усвоение уже известного, а чувство неизведанной глубины, которая таится за любым позитивным знанием, и которая может стать полем самореализации нового, «прежде не бывшего» человека, стать делом его будущего Я.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баландин Р.К. Эйнштейн убивает время. – М.: Вече, 2015.
2. Борисов Александр, прот. «Начало пути христианина». – М.: Эксмо, 2008.
3. Вальтер Бруно. О музыке и музицировании /Бруно Вальтер/ Исполнительское искусство зарубежных стран. – М.: Государственное музыкальное издательство, 1962, С. 3-118.
4. Горбачева Е.И. Предметная ориентация мышления: сущность, механизмы. Условия развития. – Калуга.: ГКПУ им. К.Э. Циолковского. 2001. 293 с.
5. Зеньковский В.В. Проблема психической причинности. Киев: Б.и. 1914.
6. Кудина Г.Н., Новлянская З.Н. Литературное чтение: программа для 1-4 классов. Литература. Программа для 5-11 классов. – М.: Оникс, 2006.
7. «Машина времени доктора Бадера» Интервью. «Советская культура». №47 (5263). 12.06.1979.
8. Радости и печали. Размышления Пабло Казальса, поведенные им Альберту Кану. – М.: Прогресс, 1977.
9. Раушенбах Б.В. Постскрипtum. – М.: Аграф, 2002.
10. Феллини Ф. Я вспоминаю... – М.: Вагриус, 2002.
11. Чижевский А.Л. Вся жизнь. – М.: Советская Россия, 1974.
12. Шаляпин Ф.И. Страницы из моей жизни». – Калининградское книжное издательство., 1996.
13. Юнг К. Архетип и символ. – М.: Ренессанс, 1991.
14. Wallas G. The Art of Thought, Watts and Co, 1949.